

НЕВИДАЛЬ
для
Эдуарда
ТРАФОВА

От Рюрика до Пастернака

К юбилею первой публикации Лидии Либединской

Если, конечно, перефразировать известную театральную цитату, скажу: «Любите ли вы «Вечерку» так, как ее любит Лидия Борисовна Либединская?». У этого вопроса глубокие, весьма исторические корни.

На заре туманной юности, когда Лидии Борисовне исполнилось уже 12 лет, родители спросили: «Что тебе подарить на Новый год?». И этот удивительный ребенок, не скрывая своих рано проснувшихся чувств, сказал: «Подписку на «Вечернюю Москву!». Что и было подарено. (Весь этот абзац публикуется в порядке рекламы на подписку «ВМ».)

Лидия Борисовна тем временем хорошела и внешне, и внутренне. И потому стала не только читать, но и писать. А чувство продолжало крепнуть, о чем «Вечерка» все еще даже не подозревала.

Но от судьбы не уйдешь! И наступила счастливая встреча, ибо любовь есть любовь. Впервые свои стихи Лидия Либединская опубликовала именно на страницах «Вечерней Москвы». Так пришла взаимность! И длится она с того самого мая 1943 года.

Вот и поздравляем замечательную писательницу Лидию Либединскую с юбилеем ее самой первой публикации. И «перефразируем» уже вот как: «Любите ли вы Лидию Либединскую так, как ее любит «Вечерка»?

Не сказать, что я знаю всех прелестных женщин Москвы или хотя бы моего Замоскворечья. Но самая прелестная из тех, кого знаю,

— Лидия Борисовна Либединская. Любой, кто имеет счастье ее благорасположения, меня поймет.

А вообще-то девичья фамилия у нее — Толстая. Да, потомца Льва Николаевича. В преддвериях ее рода были и восхитительный Алексей Константинович Толстой, и Петр Андреевич Толстой, министр, так сказать, КГБ при Петре I. Правда, насчет Рюрика в семейной легенде полной определенности нет. Все-таки давненько жил.

Квартира Лидии Борисовны — воистину «московский дом». В стариннейших матушки Москвы традициях хлебосољства, сердечности, открытости каждому, кто постучится в дверь. Вплоть до непрямого рождественского праздника для несметного количества — и своих, и друзей — внучат и внучек. А уж для взрослых здесь радость каждодневна. Сколько же в этих стенах зародилось любовей и дружб!

Не богатством был испокон славен этот дом, а щедростью. Представьте голодные 20-е годы. А в коммуналке, угол Воронцовского и Дегтярного переулков, непреходящие «дни приема» — 3, 13 и 23 каждого месяца. Из яств — бутербродики с чем придется, чаек, домашняя наливочка. Зато гости — в роскошном ассортименте. Маленькая Лида пирествовала в кругу Василия Каменского, Алексея Крученых, Сергея Городецкого, Николая Асеева, Бориса Пастернака.

Этот исконно русский дом стал родным для Тициана Табидзе, Па-

оло Яшвили, Валериана Гаприндашвили. До сих пор жизнь Лидии Борисовны украшают полотна восхитительного художника Ладо Гудиашвили.

А потом Лида подросла, и уже в ее дом зачастили ее верные друзья — Александр Фадеев, Михаил Светлов, Николай Заболоцкий, Вениамин Каверин...

К сожалению, поздновато, в 60-е годы, к Лидии Борисовне пришла замечательная мысль — как бы собрать всех вместе. Она постелила на круглый стол большой кусок белого полотна и из года в год предлагала друзьям оставить на нем карандашом свой автограф. Но не просто расписаться, а сочинить что-нибудь. И все с восторгом приняли эту затею. А Лидия Борисовна затем вышивала ниткой по написанному, дабы увековечить карандашный набросок.

Вот так образовалась знаменитая «скатерть Либединской».

Анна Андреевна Ахматова в простоте величественности нацертала на ней: «В то время я гостила на земле...».

Алексей Крученых увековечил свою фразу, прародительницу русского футуризма: «Дыр бул щил!».

Наиболее определенно выразил себя Давид Самойлов: «Это я, Самойлов Д. Я люблю вас и т. д.».

Арсений Тарковский оказался менее лапидарен, но не менее определен: «Я долго шел дорогой длинной, Томся любовью исполнкою, И ныне песней лебединою Я славлю Лиду Либединскую».

У Лидии Борисовны никогда не было нехватки обожания окружающих ее мужчин. А Павел Антокольский, видимо, на предмет уже встречного обожания без излишних поэтических затей нарисовал для Лидии Борисовны свой автопортрет. Все-таки действительно «нагляднее», чем мадригал.

Этой «шагреневой скатерти» уже почти 40 лет: друзья уходят, покидая сей мир, а места свободного на ней все меньше и меньше. Позвольте привести хоть малую толику «списочного состава»: Алексей Файко, Фаина Раневская, Маргарита Алигер, Булат Окуджава, Василий Казин, Юрий Левитанский, Григорий Горин, Константин Паустовский, Семен Липкин, Натан Эйдельман, Вера Инбер, Александр Межиров, Эмиль Кроткий, Виктор Ардов, Дмитрий

Журавлев... Вот такая легендарная скатерть!

Любопытно, что приглашенные «на скатерть», как правило, торжественно серьезнели, видимо, в предощущении увековечивания. Иные смущенно отказывались: «Неудобно как-то!». Обстоятельный Корней Иванович Чуковский даже засел за черновики. То есть взял стопу бумаги и углубился в работу над текстом. Почетный доктор Кембриджского университета писал один вариант, яростно отшвыривал его, писал другой, опять приходил в неистовство. Наконец увековечился в длинном тексте. Но завершил его очень точной фразой: «Будьте счастливы и не изменяйте себе!».

Лидии Борисовне жить не всегда давалось легко. Жизнь не очень ее баловала. И восхитительный друг Зиновий Паперный написал на скатерти ободряющее предначертание: «Да здравствует все то, благодаря чему мы — не смотрим ни на что!».

В силу старинной дружбы Лидия Борисовна пригласила «на скатерть» и вашего покорного слугу. Видать, чтобы и простые люди были представлены в этом Сонме Великолепных. И я на самом краешке скатерти крошечными буквами написал: «Все будет так, как должно быть. Даже если будет иначе».

Впрочем, в жизни Лидии Борисовны Либединской ничего не было и нет «иначе». Ей присуща именно ее жизнь, и никакая другая ей не годится.

Веч. Москва. - 1998. - 26 мая. - С. 2.

16.05.98

Либединская Лидия Борисовна